

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СССР И ГЕРМАНИИ В 1930-е – начале 1940-х гг. (политико-экономические аспекты)

Попов Иван Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатии МГИМО МИД России.

Адрес: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

E-mail: dipc@mgimo.ru

Голодов Сергей Владимирович

кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: sergej-golodov@yandex.ru

Участившиеся в последнее десятилетие попытки некоторых специалистов представить СССР и Германский нацистский рейх как однотипные тоталитарные режимы, как правило, основываются на определенных идеологических и экономических стереотипах. Тенденциозность и политическая ангажированность такого подхода становится очевидной при серьезном анализе исходного материала. В статье авторы оценивают правомерность использования определения «тоталитарный режим» применительно к СССР и Германии до Второй мировой войны. Дается сравнительный анализ процессов экономической модернизации, структурных изменений производственного комплекса двух стран. Признавая некоторые элементы формального сходства в их экономическом развитии, авторы указывают на коренные различия как в идеологии, так и в целях экономических преобразований, предпринятых в указанный период авторитарными политическими режимами двух государств.

Ключевые слова: тоталитаризм, авторитарный режим, национал-социализм, «советский экспансионизм», модернизация, индустриализация.

ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE USSR AND GERMANY IN THE 1930s – EARLY 1940s (Political and economic aspects)

Popov, Ivan V.

PhD, Assistant Professor of the Department for Diplomacy of the Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Address: Educational Institution the Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadskiy Av., Moscow, 119454, Russian Federation.

E-mail: dipc@mgimo.ru

Golodov, Sergey V.

PhD, Assistant Professor of the Department for Statistics of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: sergej-golodov@yandex.ru

The recent attempts made by some experts to show the USSR and German Nazi Reich as similar totalitarian regimes usually were based on certain ideological and economic stereotypes. Biased character and political engagement of such an approach become evident during serious analysis of the initial material. The authors assess the legitimate nature of using the definition 'totalitarian regime' applied to the USSR and Germany before the World War 2. The article provides a comparative analysis of processes of economic modernization, structural changes in production complexes in the two countries. The authors acknowledged some elements of formal similarity in their economic development but they pointed out to drastic differences both in ideology and goals of economic reforms carried out during the mentioned period by authoritarian political regimes of the two countries.

Keywords: totalitarianism, authoritarian regime, national-socialism, 'soviet expansionism', modernization, industrialization.

Недавнее обострение отношений между Западом и Россией способствует активизации дискуссий экспертов с обеих сторон по поводу политических и экономических истоков конфликта, который постоянно присутствует в их отношениях. Эта напряженность берет начало с тех пор, как Россия заявила о себе как о великой европейской, а потом и мировой державе. В рамках дискуссии западные и российские специалисты, придерживающиеся либеральных позиций, активно эксплуатируют особенности развития России в XX в. для подкрепления тезиса о тоталитарном характере советского социально-политического наследия современной России. Соответственно, этот тезис создает основу для активного продвижения известного стереотипа, суть которого сводится к тождественности так называемых тоталитарных режимов, а также для прямых сравнений СССР/России с нацистским режимом Германии и другими одиозными государствами фашистского толка.

Авторы исходят из очевидного для них факта, что идеологические корни советского и нацистского режимов диаметрально противоположны. Коммунизм как позитивная идеология берет свои истоки из идей Просвещения, материализованных Французской революцией. При всех радикальных вывихах коммунистической теории в XX в. и даже с учетом серьезной деформации коммунистического проекта в ходе реализации практического эксперимента с построением социализма в одной стране советский режим объективно имел гуманистическую базу.

Говорить о нацизме как о режиме, опиравшемся на разработанную идеологическую базу, не приходится. Известно, что Гитлер намеревался создать теорию Третьего рейха только после победоносного завершения войны. В целом представляется непреложным фактом, что нацизм опирался на весьма скудную теоретическую базу и не имел в своих рядах мало-мальски выдающихся интеллектуалов, ко-

торые открыто претендовали бы на роль идеологов режима. Не нуждается в комментариях и примитивный интеллектуальный уровень «Майн кампф». Вместе с тем нельзя не согласиться с Э. Нольте, что идеологической базой для Гитлера стала расовая доктрина, сформированная тремя авторами: Ж. А. де Гобино, Ж. Ваше де Лапужем и Х. С. Чемберленом [5. – С. 290]. При этом Э. Нольте уверен, что Гитлер воспринял идеи этих авторов через публицистические агитки, распространенные в те времена в Германии, и эффективно взял их на вооружение. Важно подчеркнуть, что основы расовой доктрины, принятой на вооружение нацизмом, интерпретируются, в том числе и западной либеральной мыслью, как реакция ультраконсерваторов на идеи Французской революции. Исходя из этого не вызывает сомнения антагонизм идейных источников формирования политической программы двух режимов.

Также не оставляет сомнений противоположность социальных основ российского коммунизма и германского нацизма. Если большевики изначально опирались на промышленный и сельский пролетариат, то нацизм рос, опираясь на люмпенизированную мелкую и среднюю буржуазию города и села. Соответствующим образом формировалась и политическая платформа советских коммунистов и немецких нацистов. Социалистический мотив возникает у нацистов конъюнктурно. Происходит это благодаря Г. Штрассеру (в момент, когда Гитлер оказался в тюрьме) и служит задаче закрепления нацизма на севере Германии после провала в Баварии. Для Гитлера социалистическое содержание нацистской программы было пустым звуком. Не случайно Г. Штрассер был уничтожен в «ночь длинных ножей», когда Гитлер и его ближайшее окружение расправились с Э. Ремом и другими руководителями штурмовых отрядов и окончательно консолидировали власть фюрера. Нельзя также забывать о том очевидном факте, что «социализация» немецкой экономики была фиктивной. Руководство крупнейшими

промышленными предприятиями и концернами Германии, по сути, осталось в руках частных собственников.

Конъюнктурность «социалистического мотива» в программе нацистов подтверждает и другую важную мысль. Нацизм, как и итальянский фашизм и другие подобные им политические движения в Европе 1920–1930-х гг., развивался и получал поддержку властей предрержащих именно как эффективный противовес коммунистическому движению. Поэтому невозможно принять позицию Э. Нольте, приписывающего фашизму, в широком смысле этого термина, эпохальность, т. е. доминирующую идеологическую роль в Европе после 1918 г. При некоторой политической субъективности известного определения фашизма, данного Коминтерном, именно оно наиболее точно отражает сущность этого мощного и деструктивного движения в межвоенной Европе, отводя ему роль ударного отряда капиталистической Европы, возникающего как защитная реакция на коммунистическую угрозу с Востока.

Важно отметить, что недобросовестные критики коммунизма оставляют без внимания очевидные различия в целях государственной политики нацистской Германии и сталинского СССР. Гитлер и его сообщники шли к консолидации немецкого общества на надклассовой основе через утверждение принципов расовой чистоты, физического устранения неполноценных членов общества. Процветание немцам было обещано за счет экспансии вовне, прежде всего на земли славянских «недолюдей». По сути, это своеобразный аморальный «социализм» для немцев за счет других народов и через использование их рабского труда. Объективная оценка истории Европы в межвоенный период показывает, что именно устремление нацистов на Восток против коммунистической угрозы СССР при отсутствии структурных социально-экономических антагонизмов так привлекало западные «демократии» и тешило их надеждой договориться с Гитлером.

Так называемый «советский экспансионизм», конечно, не является выдумкой западных либералов. Совершая социалистическую революцию в России, большевики планировали ее распространение на все развитые капиталистические страны Европы и мира. Однако с переходом к строительству социализма в одной отдельно взятой стране – СССР – Сталин и его сподвижники столкнулись с громадным противоречием: интересы Советского государства прямо расходились с интересами экспорта революции. В этих условиях выбор Сталина был в пользу сохранения государства за счет отказа от открытой деятельности по экспорту революции. С течением времени СССР полностью отказался от идеи экспорта революции, реально взяв на вооружение принцип мирного сосуществования.

Сложной является тема внутренних репрессий в СССР и нацистской Германии. Она требует обстоятельного анализа, однако в предварительном плане необходимо зафиксировать ряд принципиальных моментов. Бесспорно, что размеры репрессий внутри страны в Советском Союзе были несоизмеримо выше, чем в нацистской Германии. Количество жертв внутренних репрессий в СССР уже после Гражданской войны измеряется сотнями тысяч, а может быть, и миллионами людей. В нацистской Германии этот показатель намного ниже. Кстати, очевидно, что картина является прямо противоположной, если считать количество жертв репрессий нацизма и сталинского режима за границами обеих стран. Даже если учесть все жертвы сталинских репрессий в странах социалистического лагеря после Второй мировой войны, их количество меньше на 2–3 порядка, чем у нацистов. Что касается количества жертв внутренних репрессий, то основная причина их громадного числа в СССР кроется в том, что и после окончания Гражданской войны социальный конфликт продолжался с неослабевающей силой. На это накладывалась и острейшая политическая борьба, в том числе внутри правящей партии. В нацистской Германии общена-

циональный консенсус в рамках человеконенавистничества, направленного вовне страны, был достигнут относительно легко.

В этом контексте хотелось бы кратко остановиться на использовании термина «тоталитарный режим». Очевидно, что либеральная пропаганда, особенно в период холодной войны, сумела внедрить в общественное мнение Запада восприятие сталинского и нацистского режимов как однородно тоталитарных. Сегодня в научных кругах, даже на Западе, как правило, считается моветоном прибегать к такой подмене понятий. Тем не менее российские либеральные эксперты нет-нет, да и позволяют себе подобное. Исходя из этого кратко зафиксируем нашу позицию по этому вопросу. Прежде всего сам термин с момента его появления в фашистской Италии носил характер пропагандистского лозунга. Практически можно допустить, что тоталитарный режим – это разновидность авторитарного, присущего Западной Европе межвоенного периода. Причем практически речь может идти только о нацистском режиме в Германии и о фашистской Италии, и то с большими натяжками.

Что касается сталинского режима, то объективный анализ развития советского общества приводит к мысли о том, что уровень его политического развития был совершенно недостаточен для достижения тотального господства со стороны государства. Иначе говоря, настроения значительной массы советского населения просто не поддавались влиянию коммунистического агитпропа. Об этом свидетельствует и сохранение религиозных верований в советской деревне, и пассивное сопротивление диктатуре партии в городской среде. Не случайно в критические моменты Великой Отечественной войны Сталин обратился к моральной силе православия, вернул знаки отличия и символы русской дореволюционной армии, дал импульс возрождению патриотического национального чувства русского народа через возврат хотя бы части национальной истории в повседневный обиход.

Таким образом, сталинский режим, по нашему мнению, никоим образом не может характеризоваться как тоталитарный, причем не только в силу незрелости социально-политических структур общества, но и ввиду сохранения в советском обществе на всем протяжении политической истории СССР латентной, но вполне чувствительной оппозиции коммунистическому режиму. Гитлеровский и еще в большей степени режим Муссолини также не отвечают характеристикам тоталитарности, поскольку нацистам и фашистам не удалось обеспечить тотальное господство своих «идеологических» государств над немецким и итальянским обществами. При этом необходимо признать, что Третий рейх, безусловно, стоял в наибольшем приближении к понятию тоталитарности.

Авторы склоняются к мысли, что сталинский режим – это жесткая авторитарная диктатура, основанная на культе личности вождя с элементами воспроизводства русской монархической традиции, приобретшей одиозные формы на завершающем этапе своего существования. При этом в течение 1920-х – начала 1930-х гг. режим сохранял оригинальные элементы диктатуры большевистской партии, которая внутри сохраняла элементы коллективного руководства в духе демократического централизма. Эволюция в сторону жесткого авторитаризма определялась не только, и не столько личными качествами вождя, сколько императивом выживания социалистического государства во враждебном капиталистическом окружении. Очевидно также, что эволюцию претерпевал и социально-экономический строй Советского государства – от многоукладности переходного периода к государственному капитализму. На этапе непосредственной подготовки к войне 1941–1945 гг. речь шла о типичной мобилизационной экономике, эффективность которой в сравнении с режимами, опиравшимися на частнокапиталистические структуры, значительно усиливалась за счет сильнее идеологического фактора, обеспечивавшего веру зна-

чительной части трудящихся в то, что Советское государство было государством рабочих и крестьян.

Нацистский режим в Германии в контексте изложенного следует рассматривать как жесткую авторитарную диктатуру империалистического характера, ставившую перед собой цель достижения мирового господства на базе расизма и радикального национализма в рамках устоявшейся капиталистической системы. Сильнейшие элементы государственного капитализма были привнесены исключительно в ведущие отрасли промышленности, работавшие на подготовку к мировой войне. Только в рамках мобилизационной экономики и именно вследствие начала подготовки к мировому конфликту нацистская Германия пошла на разрыв, хотя и постепенный, с финансовыми структурами других западных держав, а также на отказ от международной промышленной кооперации. Идеологическая подоплека уникальной консолидации немецкого общества под лозунгами нацизма сводилась к прямому обещанию режима и лично фюрера немцам-арийцам исключительного благополучия в будущем, после завоевания мирового господства, за счет уничтожения или обращения в рабство соседних народов к востоку от рейха, а также за счет перераспределения колониальных владений государств-соперников на Западе.

Германия, потерпевшая поражение в Первой мировой войне, вынужденная выплачивать огромные репарации, была ввергнута в жесточайший финансово-экономический кризис. Планы стран-победителей по восстановлению экономики Германии чудесным образом еще более усугубляли ее тяжелое положение (план Дауза, план Янга). Таким образом, перед руководителями страны, перед ее политическими лидерами встала задача экономического реформирования, восстановления экономики, повышения уровня жизни населения.

Задача не менее масштабная и трудная стояла и перед руководством СССР. Раз-

ница состояла в том, что Германия вступила в XX в. индустриально развитой державой, а Российская империя отставала от европейских держав по многим показателям. Дореволюционная Россия была аграрной страной. Ей еще предстояло пережить индустриализацию.

Начало модернизации совпало с нарастающим глобальным финансово-экономическим кризисом. Одна из мощнейших экономик мира – американская – рухнула, не выдержав тяжести сделок с ценными бумагами на фондовых биржах США, которые совершались на заемные средства. ФРС разрешала банкам кредитовать клиентов, совершающих сделки с ценными бумагами, без залога. Для выхода из кризиса Соединенным Штатам пришлось применить отнюдь не рыночные методы [1].

В СССР, стране с необыкновенно сильными центростремительными тенденциями, модернизация традиционно основывалась на сильной центральной власти, которая выступала вдохновителем и организатором проекта. Все модернизации в России проходили именно с инициативой сверху. Петр Великий сломал устоявшийся социально-экономический уклад и заставил построить и новую систему государственного управления, и новую систему хозяйствования, а также новую систему социальных отношений. Реформы Александра II во многом проходили по схожему сценарию. К Первой мировой войне Российская империя подошла с большим грузом проблем и противоречий в сфере социально-экономической жизни, в государственном управлении, во внутренней и внешней политике. Реформы назрели, но потенциал их мирного проведения, видимо, был исчерпан.

Накануне Первой мировой войны Россия давала примерно 5% мирового промышленного производства. Сравнивая этот показатель с долей населения – 10% от мирового, можно сделать вывод, что уровень промышленного развития был невысок. В аграрном секторе ситуация выглядела на первый взгляд несколько лучше. Россия входила в число крупнейших

мировых экспортеров зерна. Однако в начале XX в. ее начали теснить Соединенные Штаты и Аргентина. Кроме того, экспорт зерна проходил на фоне повторяющихся голодов в России. Аграрная реформа не была завершена, и многие проблемы (выкупные платежи, обезземеливание) не были решены ни в 1861, ни в 1905 г. Реформа Столыпина дала противоречивые результаты. С одной стороны, она усилила расслоение в деревне, а с другой – дала рабочие руки для растущей промышленности и обострила классовые противоречия в стране.

В финансовой сфере также наблюдались противоречия. Бюджет рос довольно быстро. За двадцать лет (к 1914 г.) он вырос до 3 млрд золотых рублей. Была решена и проблема государственного долга. В 1906 г. Россия получила французский заем – 2,250 млрд франков, который позволил решить проблемы, вызванные революцией 1905 г. и Русско-японской войной. Денежное хозяйство России находилось в относительном порядке. С конца XIX в. действовал золотой стандарт. Рубль был конвертируемым, привлекательным для инвесторов.

Вместе с тем, несмотря на явный сдвиг в сторону бурного развития капитализма, в России процессы шли односторонне. Формирующаяся капиталистическая экономика не обеспечивала высокой технологичности, многие отрасли промышленности просто не существовали или находились в зачаточном состоянии (электромеханическая, производство летательных аппаратов, автомобилестроение и т. д.) [2; 7]. Реализация крупной программы обновления флота довольно серьезно зависела от поставок западного оборудования (артиллерийские дальнометы, средства связи, электрические генераторы, навигационное оборудование). Оборонная промышленность Российской империи в этот же период находилась в депрессии, что в значительной степени сказалось на тяжелом состоянии, в котором вооруженные силы страны оказались в начале войны. Россия развивалась неравномерно, рывками. Война усилила социально-

экономическую напряженность, что в конечном итоге дало революционную ситуацию. Гражданская война усугубила ситуацию, умножив разруху в экономике, социальной сфере, в управлении.

Хозяйственное строительство, развернутое в Советской России, было направлено в основном на создание фундамента экономики – тяжелой индустрии. При этом некоторый подъем уровня жизни, развитие легкой, пищевой промышленности, торговли, сельского хозяйства, стабилизация финансов – это результат новой экономической политики, которая пришла на смену военному коммунизму времен Гражданской войны и шла вразрез с первоначальными планами большевиков. В целом стратегическая линия на ускорение развития национальной экономики СССР (построение социализма в отдельно взятой стране) была сформулирована в рамках провала линии на мировую революцию, очевидность которого была осознана сталинской группой уже к середине 1920-х гг.

Борьба различных подходов к определению направлений и перспектив развития была жестокой, бескомпромиссной. «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут. Вот что диктуют наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР» [8. – С. 39]. И. В. Сталин этой фразой объяснил остроту ситуации и сформулировал позицию, которая в конечном итоге была принята за основу реформ.

Еще одна цитата раскрывает главное направление и главную идею индустриализации: «Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование, – вот в чем суть, основа нашей генеральной линии. Мы должны поставить дело так, чтобы помыслы и стремления хозяйственников были направлены в эту именно сторону, в сторону превращения нашей страны из страны, ввозящей оборудование, в страну, производящую это оборудование. Ибо в

этом основная гарантия хозяйственной самостоятельности нашей страны. Ибо в этом гарантия того, что наша страна не будет превращена в придаток капиталистических стран» [9. – С. 355]. Эти программные заявления были реализованы в виде плана действий, который был выполнен в кратчайший исторический срок.

Источники средств для индустриализации изыскивались исключительно внутри страны. Они в основном складывались:

- из доходов легкой промышленности, главным образом сельского хозяйства, перераспределяемых в пользу индустриальных отраслей;

- доходов от монополии внешней торговли колхозным и совхозным зерном, золотом, лесом, пушниной, частично другими товарами (например, предметами искусства, антиквариатом). На вырученную валюту в страну ввозилось новейшее технологическое оборудование для строящихся заводов (доля установленных на них импортных станков и другой техники достигала в годы первой пятилетки 80–85%);

- значительно выросшего прогрессивного налога на нэпманов. Прямым следствием этого, по сути, конфискационного налогообложения, дополненного прямым административным нажимом, стало полное свертывание в 1933 г. частного сектора в промышленности и торговле;

- средств, полученных за счет ограничения потребления городского и сельского населения (через увеличение подоходного налога и розничных цен на товары, существовавшую с 1928 по 1934 г. карточную систему их распределения, обязательные подписки на займы индустриализации и т. п.).

Пожалуй, самым наглядным показателем основополагающих изменений, произошедших в экономике Советского Союза, стала *внешняя торговля*. Во второй пятилетке был прекращен ввоз сельскохозяйственных машин. Торговый баланс СССР в 1925–1931 гг. был отрицательным, а с 1932 г. стал положительным. Объем внешней торговли сократился к концу 1930-х гг.

в 3,3 раза. В качестве главной особенности советской индустриализации необходимо отметить приоритет тяжелой промышленности в ущерб легкой. Несмотря на то, что индустриализация в это время в основном завершилась и промышленный рост принял более спокойный характер, производство средств производства (согласно данным Госплана) выросло за 1937–1940 гг. на 52%, а производство средств потребления – лишь на 33% [8]. Промышленное производство в период 1928–1937 гг. выросло в 2,5–3,5 раза, т. е. на 10,5–16% в год. К 1940 г. было построено около 9 тыс. новых заводов [8]. К концу второй пятилетки по объему промышленной продукции СССР занял второе место в мире, уступая лишь США. Резко снизился импорт, что, по сути, было завоеванием страной экономической независимости.

По производству валовой продукции в ряде отраслей промышленности СССР обогнал Германию, Великобританию, Францию или вплотную приблизился к ним, однако отставал от этих стран по производству продукции на душу населения. Были созданы новые отрасли промышленности – станкостроительная, авиационная, автомобильная, тракторная, химическая и др. Во второй половине 1930-х гг. И. В. Сталин заявил о превращении СССР из аграрной страны в индустриальную.

Экономика Германии имела серьезные преимущества по сравнению с экономикой СССР. Первое и главное – это технологически развитая промышленность, не менее развитое сельское хозяйство, а также финансовая и банковская система, способная обеспечить эффективное финансирование производственных и социальных проектов.

Многие исследователи отмечали наличие четкой взаимозависимости между типом политического режима и динамикой экономического развития – в качестве критерия они принимали величину дохода на душу населения. Однако до сих пор не удалось установить, каким образом политический режим и экономика влияют друг

на друга. Сегодня принято считать, что именно политический режим определяет направления и тенденции экономического развития страны, а не наоборот, хотя такое мнение может считаться субъективным.

Германия обогнала Великобританию в сфере промышленного производства к 1900 г. До этого времени Великобритания была крупнейшей мировой экономикой, продукция которой, начиная с текстильных изделий и заканчивая железнодорожным оборудованием, господствовала на мировых рынках. Однако уже к концу XIX в. она сдала экономические позиции – снижаются объемы экспорта, становится существенным отставание от Германии в металлургии и других отраслях экономики, наметилось отставание в организации производства, его концентрации. В это же время Германия при более низких уровнях заработной платы обогнала Великобританию в производстве стали и завладела явным преимуществом в области новых технологий, таких как электромеханическая продукция, химикаты и красящие вещества, а также во многих видах машиностроительной продукции. Германия также наводнила мировые рынки товарами массового потребления.

В последней трети XIX в. промышленность Германии играла ведущую роль в хозяйственной жизни. Технический уровень немецкой, относительно новой промышленности был выше английской и французской, уже стареющей. Поэтому немецкая промышленность практически не сталкивалась с проблемами перевооружения.

Несоответствие развития производства платежным способностям внутреннего рынка, а также необеспеченность страны некоторыми видами сырья (особенно нефтью) вынуждали немецкие монополии активно действовать на мировом рынке. В 1910 г. насчитывалось уже около 100 международных монополий с участием Германии. Однако германский торговый баланс был пассивным, так как стоимость ввозимого сырья и продовольствия превосходила

стоимость экспорта промышленных товаров. Дефицит торгового баланса покрывался прибылями от инвестиций немецкого капитала в развивающиеся страны.

Поражение в Первой мировой войне и последующий политический и экономический хаос низвели Германию до положения страны-изгоя. В конечном итоге нашла политическая сила, которая, победив на выборах, начала преобразования всех сторон жизни.

Мировой экономической кризис 1929–1933 гг. в Германии реализовался особенно глубоко. Промышленное производство сократилось почти на 50%, выросла безработица (6 млн человек), разорились мелкие предприниматели и торговцы, уменьшилась заработная плата [6]. Правительства Г. Мюллера и Г. Брюнинга не смогли стабилизировать ситуацию. Этим воспользовался А. Гитлер. Нацисты нашли поддержку во всех слоях немецкого общества. На выборах в рейхстаг национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП) впервые заявила о себе как общегерманская политическая сила. В 1932 г. коммунисты и социал-демократы могли сформировать коалиционное правительство, но взаимное недоверие разрушило эту возможность. Чтобы остановить экономический хаос и растущее влияние коммунистов и левых социал-демократов, немецкие промышленники и представители среднего класса сочли разумным передать власть А. Гитлеру. 30 января 1933 г. П. Гинденбург поручил А. Гитлеру сформировать новое правительство, назначив его рейхсканцлером.

Социальной базой движения стали все недовольные политическими реалиями и экономическими порядками Веймарской республики: ремесленники, мелкая буржуазия, крестьяне, ветераны войны, безработные, а главное – молодежь (треть членов НСДАП – люди моложе 30 лет).

Учитывая, что Германия 1930-х гг. – это практически нищее население, огромный внешний долг, гиперинфляция, безработица и т. д., об увеличении потребления

населения и инвестициях предприятий можно было бы говорить в последнюю очередь. Увеличение совокупного спроса Германии было возможно лишь в сфере государственных расходов, тем более что правящая партия не скрывала своего стремления к реваншу и сокрушению Версальской системы. Экономика была сосредоточена на восстановлении военного потенциала. Германия ускоряла концентрацию промышленности, содействуя отраслям, укрепляющим национальное могущество.

Перед экономикой Германии были поставлены следующие задачи: 1) рост самообеспеченности; 2) перемещение стратегических отраслей из пограничных районов в центральные; 3) увеличение мощности стратегических отраслей; 4) рационализация промышленной организации и техники. Результатом стал рост в 1936–1938 гг. промышленного производства на душу населения на 14%, инвестиций – на 71%.

Специальными законами была фактически введена всеобщая трудовая повинность. На строительство коммуникаций и других стратегических объектов были мобилизованы безработные. Главным содержанием экономической политики стала всеобщая милитаризация. В июне 1933 г. при Министерстве экономики был организован Генеральный совет немецкого хозяйства, который формировал государственную экономическую политику. В 1934 г. был издан декрет о трудовом фронте, который запрещал стачки и переход рабочих с одного предприятия на другое. Были отменены коллективные договоры, а руководители предприятий получали диктаторские полномочия.

В 1933 г. был издан закон о принудительном синдицировании, в соответствии с которым отдельные предприятия вошли в состав существовавших картелей и синдикатов. Все предприятия в принудительном порядке были объединены по отраслям и территориальным районам. Основой германского государственно-монополистического капитализма был принятый в 1934 г. закон об органическом построении гер-

манской экономики, согласно которому вся экономика страны концентрировалась в шести имперских хозяйственных группах – промышленность, энергетика, торговля, ремесла, банковское и страховое дело. Наряду с отраслевой создавалась и региональная структура управления: вся Германия была разделена на 18 хозяйственных областей, в каждой из которых создавалась своя хозяйственная палата как высший экономический орган во главе с крупными монополистами.

К концу 1933 г. было реорганизовано и сельское хозяйство. Аграрная политика предусматривала создание продовольственных резервов к началу войны. Была введена система обязательных поставок сельскохозяйственной продукции, ликвидирован профсоюз сельскохозяйственных рабочих.

Подобные изменения были сделаны и в области внешней торговли. Согласно принятому в 1935 г. закону «Об обороне империи» произошло сокращение импорта продукции и увеличение экспорта для получения валюты под покупку стратегического сырья. В основу внешнеторговых отношений Германии легли три идеи:

- переход от многосторонней системы торговых расчетов к двусторонней, построенной на принципах клиринга;
- количественное ограничение ввоза и централизованное определение объема импорта;
- формирование экспорта путем осуществления компенсационных сделок.

Германия перевела на безвалютную основу практически всю внешнюю торговлю, справедливо полагая, что валюта (швейцарские франки, английские фунты или американские доллары), которая участвует в международной торговле, приносит подлинный доход лишь своему эмитенту, государству, запустившему ее в мировой оборот. Поэтому чтобы не передавать в чужие руки доход от внешней торговли, немцы и использовали систему клиринга. Кроме того, германское правительство создало параллельные внутренние деньги,

предназначенные исключительно для финансирования производства вооружений и не имеющие свободного обращения на финансовом рынке вне Германии. Сначала такими деньгами были векселя Metallургического научно-исследовательского общества (MEFO). Их эмитировали для оплаты вооружений фирмам-поставщикам. Они гарантировались государством и были вполне допустимым финансовым инструментом с одной оговоркой: их могли использовать лишь промышленные предприятия, работающие на военные заказы. Из 101,5 млрд марок расходов немецкого бюджета в 1934–1939 гг. не менее 20 млрд марок – векселя MEFO, т. е. инвестиционные деньги, не имеющие хождения на рынке и поэтому не создающие инфляционного давления на экономику. С 1938 г. вместо денег имперское кредитное управление фирмам-производителям начало выплачивать денежные переводы за поставку со сроком погашения в 6 месяцев. За год таких переводов было выплачено более чем на 6,5 млрд марок – все они были целевым образом потрачены на производство и закупку вооружения. С 1939 г. 40% военных заказов начали оплачиваться так называемыми «налоговыми квитанциями», которыми подрядчики (создатели вооружений) имели право рассчитываться с поставщиками. Всего до начала войны таких квитанций было выплачено на 4,8 млрд марок. Дабы абсолютно перекрыть какое бы то ни было «бегство капитала» за границу, в 1937 г. было издано Положение о немецких банках, по которому ликвидировалась независимость государственного банка, прекращался свободный обмен марки на иные валюты. Закон о государственном банке 1939 г. снял все ограничения по предоставлению государственного кредита – надобность в параллельных деньгах отпала. С 1934 г. по так называемому «Новому плану» внешняя торговля перешла под полный государственный контроль, а все предприятия вошли в состав семи имперских групп промышленности. Денежное обращение Германии, таким образом,

оставалось сбалансированным, финансирование же военных заказов руководство Германии смогло произвести путем создания инвестиционных денег, стимулируя рост производства без ущерба для благосостояния нации.

Большое значение для вооружения Германии и создания ее военной машины имели прямые вложения американского капитала в германскую промышленность. По официальным данным, прямые американские капиталовложения в германскую промышленность в 1930 г. составляли 216,5 млн долларов. В Германии имелось до 60 филиалов американских концернов.

Сравнительный анализ методов, содержания, направлений и динамики экономического развития СССР и нацистской Германии в течение 30-х гг. XX в. позволяет констатировать принципиальные различия как по целям, так и по сути экономической политики двух государств.

Бесспорной, на наш взгляд, целью мобилизационного развития экономики Германии в 1930-е гг. стала подготовка к масштабной войне за «жизненное пространство» для нацистского рейха. Преодоление последствий мирового кризиса для национальной экономики и стабилизация экономического положения значительных масс немецкого населения были побочным результатом такой политики. Кроме того, тенденции поворота к автаркической модели, становившиеся все более очевидными к концу десятилетия, несли с собой условия для снижения уровня жизни населения и ухудшения условий для успешного экономического развития Германии. Прозвучание и благоденствие «расе господ» было обещано режимом как итог покорения славянских «недочеловеков» и постановки на службу рейху всех материальных, природных и людских ресурсов покоренных территорий. Именно на такой базе нацизму удалось добиться невиданной консолидации немецкой нации перед началом Второй мировой войны.

Цели мобилизационного развития советской экономики были двоякими. С од-

ной стороны, большевистский проект с самого начала был проектом преодоления отставания России от передовых стран мира в социально-экономической и культурно-научной сферах. Отсюда колоссальные планы и очевидные достижения в развитии промышленности, науки, образования в 1920–1930-е гг. С другой стороны, развитие ситуации в мире ясно указывало Сталину и его сподвижникам на неизбежность столкновения СССР с Западом. Осознание этого пришло в конце 1920-х гг., а с начала 1930-х стало очевидно, что ударной силой против Советского Союза выступит нацистская Германия. Именно тогда советское руководство резко взвинчивает темпы развития национальной экономики и переходит на рельсы мобилизационного развития в полном объеме. Учитывая объективную слабость экономики страны, зачаточность ее новой социальной инфраструктуры, что прекрасно понимал Сталин, все меры по подготовке страны к войне носили сугубо оборонительный характер.

Таким образом, мы констатируем, что идеологическое целеположение экономического развития двух государств было диаметрально противоположным.

Принципиально важной представляется также констатация того факта, что ускоренное развитие СССР целиком опиралось на собственные национальные ресурсы. Нацистская Германия активно использовала, по крайней мере до второй половины десятилетия, инвестиционные ресурсы и стратегически важные наработки НИОКР «цивилизованного» Запада, прежде всего США.

Огромный разрыв в уровне социально-экономического и научно-технического развития Германии и СССР предопределил коренные различия в методах мобилизации экономического потенциала, в эффективности и разнообразии использованных для этого обоими режимами средств. В результате мы имеем парадоксальную картину: уровень эффективности подготовки Германии к войне был значи-

тельно выше, чем у СССР. Вместе с тем степень централизации, общественной мобилизации (включая и репрессивные меры), жесткости и жестокости в реализации намеченных мер была несравнимо выше в СССР. Именно это вкупе с колоссальным экономическим потенциалом

страны позволило СССР выстоять и победить в схватке с нацизмом. Огромную роль сыграл и тот факт, что советский народ, в отличие от одурманенных нацизмом немцев, мобилизовался на борьбу за благородные цели, как бы теперь ни пытались некоторые эксперты это оспорить.

Список литературы

1. Гэлбрейт Дж. К. Великий крах 1929 года. – Минск : Попурри, 2009.
2. Крылов А. Н. Мои воспоминания. – Л. : Судостроение, 1984.
3. Мартин Д. Братство бизнеса. – М. : Издательство иностранной литературы, 1951.
4. Мейер Г. Неизбежна ли гибель Америки? – М. : Издательство иностранной литературы, 1950.
5. Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Аксьон Франсез. Итальянский фашизм. Национал-социализм. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001.
6. Норден А. Уроки германской истории. – М. : Государственное издательство иностранной литературы, 1948.
7. Пономарёв М. В. История стран Европы и Америки в новейшее время. – М. : Проспект, 2010.
8. Сталин И. В. О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г. // Сочинение. – Т. 13. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1951.
9. XIV съезд ВКП (б) : стенографический отчет. – М. : Госиздательство, 1928.

References

1. Galbraith J. K. Velikiy krakh 1929 goda [Great Crash of 1929]. Minsk, Popurri, 2009. (In Russ.).
2. Krylov A. N. Moi vospominaniya [My Memoirs]. Leningrad, Sudostroenie, 1984. (In Russ.).
3. Martin D. Bratstvo biznesa [Business Brotherhood]. Moscow, Publishing House of Foreign Literature, 1951. (In Russ.).
4. Meyer G. Neizbezhna li gibel' Ameriki? [Is America Doomed?]. Moscow, Publishing House of Foreign Literature, 1950. (In Russ.).
5. Nolte E. Fashizm v ego epokhe. Aks'on Fransez. Ital'yanskiy fashizm. Natsional-sotsializm [Fascism in its Epoch. France Annexation. Italian Fascism. National-Socialism]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2001. (In Russ.).
6. Norden A. Uroki germanskoy istorii [Lessons of German History]. Moscow, State Publishing House of Foreign Literature, 1948. (In Russ.).
7. Ponomarev M. V. Istoriya stran Evropy i Ameriki v noveyshee vremya [History of Countries in Europe and America in the New Times]. Moscow, Prospekt, 2010. (In Russ.).
8. Stalin I. V. O zadachakh khozyaystvennikov. Rech' na pervoy Vsesoyuznoy konferentsii rabotnikov sotsialisticheskoy promyshlennosti. 4 fevralya 1931 g. [About Tasks of Business People]. Works, Vol. 13. Moscow, State Publishing House of Foreign Literature, 1951. (In Russ.).
9. 24th sezd VKP (b), stenograficheskiy otchet [The 14th Congress of VKP(b), stenographic report]. Moscow, Gosizdatel'stvo, 1928. (In Russ.).